

**Славянская взаимность Скопинского уезда:
военнопленные и переселенцы Первой мировой
в российской глубинке**

Борисёнок Юрий Аркадьевич
Кандидат исторических наук, доцент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект 27, корп. 4, Москва,
Российская Федерация
E-mail: rodina2001@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4958-2799

Дронов Михаил Юрьевич
Кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: mikhaildronov@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-3284-4924

Цитирование

Борисёнок Ю. А., Дронов М. Ю. Славянская взаимность Скопинского уезда: военнопленные и переселенцы Первой мировой в российской глубинке // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 69–79.
DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.04

Статья поступила в редакцию 10.01.2023.

Аннотация

Специфика ситуации военнопленных и переселенцев Первой мировой войны в далеких от фронта регионах России в последние десятилетия становится важной исследовательской проблемой. На материалах местных архивов постепенно разрабатываются важные аспекты темы, и в первую очередь те из них, что касаются особенностей повседневной жизни значительных контингентов людей, никогда не бывавших в тех губерниях и уездах, в которых им пришлось поселиться не по своей воле. Такие документы, еще не введенные в научный оборот, хранятся и в Государственном архиве Рязанской области. Среди них своей полнотой и оригинальностью выделяются материалы,

относящиеся к положению военнопленных и переселенцев в Скопинском уезде. Архивные свидетельства, в частности, позволяют скорректировать сложившуюся в историографии трактовку особенностей брачных отношений местных жителей с военнопленными. Большой интерес представляют сведения о межславянских контактах, которые сначала вынужденно, а затем и добровольно устанавливались в Скопине и уезде, где до 1914 г. приезжие из других регионов Российской империи и тем более иностранные подданные составляли совсем небольшой процент населения.

Ключевые слова

Первая мировая война, военнопленные, переселенцы, история повседневности, Рязанская губерния, Скопинский уезд.

Хорошо известно, что на современной территории Российской Федерации, если не считать Калининградскую область, бывшую в начале XX в. частью Германской империи, никаких боевых действий в Первую мировую войну не велось. Историкам приходится довольствоваться обширной информацией источников о повседневности в тыловых губерниях, о существенных изменениях, которые неизбежно происходили с перемещением больших масс беженцев из западных регионов Российской империи и с появлением заметных контингентов военнопленных. К таким исследованиям, интенсивно ведущимся в последние десятилетия, привлечены еще далеко не все важные документы. Новые штрихи к переменам в жизни российской глубинки позволяют добавить материалы Государственного архива Рязанской области, впервые вводимые в научный оборот.

Старинный город Скопин Рязанской области расположен вдали от западных рубежей нашей страны. Несмотря на известность скопинской керамики и встречающееся применительно к Скопину претенциозное название «Рязанский Суздаль», этот райцентр (пускай и областного значения) с нынешним населением 25 тысяч жителей отнюдь не может похвастаться зашкаливающей туристической популярностью. Здесь, в настоящей русской глубинке, невольно создается впечатление, что Скопин всегда был на удалении от цивилизации, а население было сплошь великорусским.

Эта точка зрения опровергается историческими и статистическими данными. Уже в XVII веке в окрестностях Скопина отмечены переселенцы из Малороссии, появившиеся здесь после ужесточения

политики Речи Посполитой в отношении запорожских казаков, закрепленного Куруковским договором 1625 г.¹

В течение всего периода существования Российской империи иностранные подданные и иноверцы в некотором количестве встречались в православном скопинском обществе. К концу XIX столетия в «Рязанском Суздале» было восемь церквей: Троицкий собор, Входиерусалимская, Покровская, Казанская, Сретенская, Богоявленская, Вознесенская, Николаевская кладбищенская. И это не считая Александровской церкви в здании реального училища и Свято-Духова монастыря в полутора верстах от города². Сегодняшний Скопин, хотя и стал в 2011 г. центром отдельной епархии в рамках Рязанской митрополии, по степени формальной воцерковленности жителей несомненно отстает от дореволюционного уровня.

По данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., Скопинский уезд площадью 2434,8 квадратных версты превосходил все прочие уезды Рязанской губернии по плотности населения: она составляла 72,56 человека на квадратную версту. В уезде проживало 176 682 человека обоего пола — это второй по численности уезд после Рязанского, где перепись учла 212 683 жителя, из них 46 122 — в губернском городе. Уездный Скопин населяло 13 247 человек, в 1897 г. это был шестой по численности населения город губернии после Рязани, Егорьевска, Раненбурга (ныне Чаплыгин), Ряжска и Касимова. Население было в подавляющем большинстве местное: временно прибывших в место переписи в Скопинском уезде насчитали 2110 человек, в уездном городе — 380³.

По месту рождения столь же подавляюще преобладали скопинские уроженцы — в уезде перепись их насчитала 168 194, в Скопине — 9425. В 1897 г. только 4091 житель Скопинского уезда родился в других губерниях Российской империи, правда, 2683 из них осели в уездном городе. Родившихся в иностранных государствах жителей

---

1 Коростелев В. А. Скопин. Царская вотчина во второй половине XVII — в первой половине XVIII века: очерки. М., 2013. С. 22.

2 Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных, с списками их настоятелей за XVII, XVIII и XIX ст. и библиографическими указаниями / сост. свящ. И. Добролюбов. Рязань, 1885. Т. 2. С. 144–168.

3 Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Кн. XXXV. Рязанская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1903. С. 1.

уезда было всего 17, в том числе четверо в Скопине⁴. Обладателей же зарубежных паспортов перепись в уезде насчитала 20 (всего в Рязанской губернии таковых было 228), из них в Скопине проживало десять иностранных граждан: пятеро германских подданных, двое французских, по одному носителю паспортов Австро-Венгрии, Великобритании и Швейцарии⁵.

Неправославное население было представлено обширнее: в Скопинском уезде насчитывалось 363 римокатолика, 251 иудей, 51 лютеранин и 24 магометанина⁶. Языковое разнообразие уездных жителей при подавляющем преимуществе носителей русского языка было еще больше: 368 человек родным назвали польский, 274 — малорусский (украинский), 223 — еврейский (идиш), 43 — немецкий, 42 — пермяцкий, 25 — татарский, 15 — белорусский, всего языков оказалось 18, включая единственного переписанного представителя чешского языка, проживавшего не в уездном городе⁷.

Обращает на себя внимание существенное преобладание мужского пола среди скопинских иностранцев, иноверцев и носителей других языков. Впрочем, в общей массе уездного населения они были едва заметны: преобладали православные по вере общим числом 175 821 человек (12 592 в Скопине), великороссы по языку (175 670 в уезде и 12 323 в городе) и крестьяне по сословиям (163 905 в уезде, 5065 в Скопине на 6644 городских мещан)⁸.

Отметим, что до 1914 г. скопинским жителям были неплохо знакомы родственные украинцы и белорусы, а также поляки и католики по вере. Невеликорусских славян, отмеченных в переписи 1897 г. общим числом 658 человек и в подавляющем большинстве мужского пола, можно было рассмотреть и установить с ними повседневные контакты различного рода. До начала Первой мировой войны принципиальных изменений в этой этноконфессиональной картине не произошло. Перемены военной поры отмечают метрические книги местных приходов, изученные нами за отдельно взятый 1916 год.

Большая война была в самом разгаре, от нее уже начала накапливаться усталость, и никто уже не распевал частушек, опубликованных в том же 1916-м в Костроме:

---

4 Там же. С. 2.

5 Там же. С. 82–83.

6 Там же. С. 84–85.

7 Там же. С. 86–89.

8 Там же. С. 2–3, 8.

Мы всю Австрию разрушим
И германцам не сдадим,
Мы сначала возьмем Краков,
А потом уже Берлин.

Мы австрийцев всех разобьем
И Германию возьмем:
Ружья, пушки отберем,
Потом налогом обведем⁹.

Конца войне было не видно, и в каждом рязанском уезде, не говоря о губернском городе, появлялись ее зримые приметы. Уездный Скопин стал одним из многочисленных ковчегов, в который по своей и по чужой воле устремились многочисленные беженцы из западных губерний Российской империи, а также военнопленные сразу нескольких неприятельских армий. Через пожелтевшие листы архивных дел проступают мозаики людских судеб, на первый взгляд не могущих иметь отношение к Рязанщине. Счет беженцев шел на миллионы, военнопленных было около двух миллионов, в том числе «1 736 764 военнослужащих австро-венгерской, 159 390 германской, 64 509 турецкой и 670 — болгарской армий»¹⁰.

Изменить традицию, предполагавшую нехватку прекрасного пола среди приезжих в Скопине и его окрестностях, помогло появление в уезде беженцев из западных регионов Российской империи. Любопытная информация о некоторых из них отразилась в метриках 1916 г. Например, 20 апреля в скопинской Вознесенской церкви свершилось таинство крещения над родившейся днем ранее Маврой — дочерью крестьянина деревни Лески Черкасского уезда Киевской губернии Дмитрия Давыдова Марштупова и его законной жены Аксиньи Евфимовой. Восприемниками младенца выступили местные жители — скопинский мещанин Иванов и крестьянка села Рождественна Скопинского уезда Архипова¹¹. Кто знает, что связывало последних с беженцами с Киевщины? Сейчас можно только гадать, предоставили ли эти скопинцы кров, дали работу,

---

⁹ Цит. по: *Александров Н.* «Мы сначала возьмем Краков, а потом уже Берлин». Костромская деревня в начале войны // *Родина*. 2014. № 8. С. 113.

¹⁰ *Белова И.* Подавать им по утрам кофе с сахаром? Военнопленные в Центральной России // *Родина*. 2014. № 8. С. 131.

¹¹ Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 627. Оп. 274. Д. 429. Л. 19 об.–20.

просто поделились куском хлеба или как-то иначе сблизилась с людьми, вынужденно снявшимися с родных мест.

В той же метрической книге встречаем запись о крещении 28 июня 1916 г. Ольги, нареченной в честь благоверной княгини, одной из первых древнерусских христианок. Отец новорожденной не указан (впрочем, не наблюдается и однозначной записи, что девочка точно незаконнорожденная), мать же — Татиана Иосифова Пынчук, крестьянская девица деревни Олиля Бобруйского уезда Минской губернии. Восприемники — оказавшийся в Скопине крестьянин Стоянкин с Тамбовщины и крестьянка Анфимова с Рязанщины¹².

9 октября крестили другую новорожденную Ольгу — дочь крестьян Виктора Николаева и Анастасии Матвеевой Ярчуков из села Терebinь Грубешовского уезда Холмской губернии (ныне — в границах Польши). В отличие от предыдущих случаев, восприемниками выступили «свои»: крестьяне той же далекой деревни Антон Степанов Коречко и Пелагея Иванова Калищук¹³.

В соседнем приходе 21 июня 1916 г. состоялось крещение Нины, родившейся в семье почтальона эвакуированного почтового отделения из местечка Девенишек Виленской губернии Кирилла Андреева и Стефаниды Викентьевны Стасилевичей. Крестными девочки стали фельдшер и акушерка Скопинской уездной земской больницы¹⁴.

Эти скупые строчки метрических книг показывают, что вынужденные переселенцы, бежавшие от войны в рязанскую глубинку, неплохо устраивались на новом месте и заводили детей, причем по большей части появлявшихся на свет в законном браке.

Хорошо приспособились к условиям Рязанской губернии и многие попавшие сюда военнопленные. Условия содержания для солдат и офицеров были разными, но подчас одинаково вольготными. В 1915 г. на сельхозработы в губернию было прислано 3523 военнопленных солдат, это были в основном славяне из австро-венгерской армии, в 1916-м к ним добавились турецкие и германские пленные. Многие неплохо адаптировались в новых условиях, проживая вместе с рязанскими крестьянами, у которых они работали. Конфликтов было сравнительно немного: за весь 1916 г. в Рязанском уезде полиции пришлось наказывать арестом 16 отказавшихся заниматься деревенским трудом пленных, тогда как в губернском городе арестованных отказников, не желавших

12 Там же.

13 Там же. Л. 73 об.—74.

14 Там же. Л. 199 об.—200.

работать на свалках и в ассенизационном обозе, оказалось 36. Большинство же пленных оказалось без строгого надзора и внимания полиции — одному из пленных в Рязанском уезде ничто не мешало объявить себя «гадальщиком» и зарабатывать ремеслом экстрасенса¹⁵.

Офицерам жилось еще интереснее, ассенизационные обозы им не угрожали, изолировать от местного населения их особо и не пытались. В Рязани их размещали в центре города в лучших помещениях, обилие свободного времени позволяло подолгу гулять и привлекать внимание местных дам и девиц¹⁶. Правда, в историографии бытует мнение, что «запрет на браки между пленными и россиянками был снят лишь в середине 1917-го... узаконить свои отношения с гражданками Свободной России позволялось только пленным славянам, взятым на поруки или подавшим прошения о принятии в российское подданство. Только если дело доходило до появления детей, власти, похоже, были готовы уступить...»¹⁷.

Скопинские метрические книги наглядно показывают, что свадьбы военнопленных были легально возможны и до «Свободной России» в лице Временного правительства в условиях Российской империи. От пленных, и не только славян, требовалось только перейти в православие. Обилие храмов в «Рязанском Суздале» создавало благоприятные условия для новых семейных уз. Так, в конце июня 1916 г. в скопинской церкви через таинства покаяния и причащения был присоединен к православию католик по рождению Петр Сторожинский — военнопленный старший унтер-офицер 95-го пехотного полка австро-венгерской армии, очевидно, поляк. Православные священнослужители не стали менять ему имя — вероятно, учитывая общехристианское значение апостола Петра и близость по времени праздника этого святого¹⁸. А уже 22 июля, т. е. менее чем через месяц, 35-летний «Петр Михайлов Сторожинский, православного вероисповедания» сочетался законным браком с 20-летней дочерью скопинского мещанина Бокарева Наталией Сергеевой. Свидетелями («поручителями») этого радостного события со стороны как невесты, так и жениха выступили мещане Скопина¹⁹.

15 Белова И. Подавать им по утрам кофе с сахаром? С. 132–133.

16 Там же. С. 133.

17 Суржикова Н. «Теперь за мужей пошли в моду австрийцы...» Плен, любовь и мораль в российской провинции 1914–1917 годов // Родина. 2014. № 8. С. 137.

18 ГАРО. Ф. 627. Оп. 274. Д. 429. Л. 199 об.–200.

19 Там же. Л. 218 об.–219.

Любопытно, как сложилась судьба этой супружеской четы: многочисленные датируемые разными годами отметки о выдаче справок и наклеенная здесь же, у записи о венчании, гербовая марка намекают на повышенный интерес к семье Сторожинских со стороны государства. Но бракосочетание было вполне законным, что указывает на отсутствие строгих запретов в случае, если оба брачующихся исповедовали православие.

Есть в скопинских метрических книгах 1916 г. и более необычные крещения. Так, например, в апреле состоялось обращение в христианство двух «турецко-подданных» (вспомним отца Остапа Бендера) — уроженцев Османской империи, заброшенных на периферию Рязанской губернии благодаря войне. Этому событию посвящен целый разворот метрической книги. С разрешения Рязанской духовной консистории православную паству пополнили 32-летний Георгий (Али Мулла-Смайль-Оглы) и 21-летний Владимир (Аслан Хушут Хутоли), которые к тому же получили от своих крестных (псаломщиков церкви, где свершалось таинство) и новые русские фамилии. Георгий стал Пищулиным, а Владимир — Кузьминым. В рубрике «Звание, имя, отчество и фамилия родителей, и какого вероисповедания» у обоих новокрещенных указано лишь: «Родители его живут в Турции»²⁰.

Обращенные в православие «турецко-подданные» не теряли понапрасну время и не проходили мимо девушек уездного города. Так, 10 февраля 1916 г. состоялось венчание свежееиспеченного христианина Николая Дмитриева Светлова (первоначальное имя не указано) и дочери скопинского мещанина Александра Григорьевя Пантелеева Веры. В восприемниках — скопинские мещане и крестьяне Суздальского уезда Владимирской губернии и Рязанского уезда Рязанской²¹. Молодоженам было по 26 лет — для невесты в то время это критический возраст, в простонародье уже 22-летняя девушка именовалась «вековухой» и «перестарком».

10 сентября 1916 г. в соседнем приходе состоялось крещение новорожденного Сергия — сына проживавшего в Скопине военнообязанного турецко-подданного Махмета Али Уби Хауин Оглы, в крещении Александра Дмитриева Светлова, и его супруги Марии Александровой. Восприемниками младенца стал отставной капитан Барабанов и мещанка Щенова²². Любопытно, были ли Николай и Александр

20 Там же. Л. 195 об.–196.

21 Там же. Л. 25 об.–26.

22 Там же. Л. 46 об.–47.

Светловы родными братьями или же бравые турецкие парни вместе стали объектом прозелитического воздействия со стороны одного человека — предположительно Дмитрия Светлова, скорее всего подарившего им и отчество, и фамилию.

Но далеко не всем из вынужденных гостей Скопина посчастливилось креститься, жениться или родить детей. Кто-то нашел здесь вечное упокоение, как, например, 38-летний австрийский пленный Павел Щур — «греко-униат», очевидно, галицкий русин. Его похоронили на городском кладбище. Запись об этом печальном событии «по извещению конторы больницы № 932-м» находим в метрической книге больничного храма²³.

Основной же массив информации, укрытой в метриках Рязанщины, убедительно показывает, что удаленный от больших городов Скопинский уезд стал надежным пристанищем для беженцев и не слишком обременительным местом пребывания для пленных, часть которых даже получила возможность сочетаться законным браком. На уровне бытовой повседневности военной поры в удаленной от фронта российской глубинке самопроизвольно складывались любопытные проявления славянской взаимности. Весь «большой XIX век» о единении славян страстно повествовали теоретики и энтузиасты из образованных кругов, на практике же, как свидетельствуют архивные документы, в Скопине и уезде происходили разнонаправленные процессы взаимного узнавания, по большей части лишенные негативного контекста и сугубо отрицательных эмоций. Для непростых условий мировой войны подобные явления стоит признать факторами микроистории, облегчавшими участь как переселенцев с запада, так и военнопленных.

Источники и литература

Государственный архив Рязанской области (ГАРО).

Александров Н. «Мы сначала возьмем Краков, а потом уже Берлин». Костромская деревня в начале войны // *Родина*. 2014. № 8. С. 112–113.

Белова И. Подавать им по утрам кофе с сахаром? Военнопленные в Центральной России // *Родина*. 2014. № 8. С. 131–133.

Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных, с списками их на-

---

23 Там же. Л. 242 об.–243.

стоятелей за XVII, XVIII и XIX ст. и библиографическими указаниями / сост. свящ. И. Добролюбов. Рязань: Тип. наследников З. П. Позняковой, 1885. Т. 2. 368 с.

Коростелев В. А. Скопин. Царская вотчина во второй половине XVII — в первой половине XVIII века: очерки. М.: Сам Полиграфист, 2013. 302 с.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Кн. XXXV. Рязанская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Изд-е Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1903. 259 с.

Суржикова Н. «Теперь за мужей пошли в моду австрийцы...» Плен, любовь и мораль в российской провинции 1914–1917 годов // *Родина*. 2014. № 8. С. 137–138.

References

Aleksandrov, N. “«My snachala voz'mem Krakov, a potom uzhe Berlin». Kostromskaia derevnia v nachale voiny.” *Rodina*, 2014, no. 8, pp. 112–113.

Belova, I. “Podavat' im po utram kofe s sakharom? Voennoplennnye v Tsentral'noi Rossii.” *Rodina*, 2014, no. 8, pp. 131–133.

Korostelev, V. A. *Skopin. Tsarskaia votchina vo vtoroi polovine XVII — v pervoi polovine XVIII veka: ocherki*. Moscow: Sam Poligrafist Publ., 2013, 302 p.

Surzhikova, N. “«Teper' za muzhei poshli v modu avstriitsy...» Plen, liubov' i moral' v rossiiskoi provintsii 1914–1917 godov.” *Rodina*, 2014, no. 8, pp. 137–138.

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.04

Yu. A. Borisyonok, M. Yu. Dronov

Slavic reciprocity of the Skopinsky district: Prisoners of war and migrants of the First World War in the Russian outback

Yuri A. Borisyonok

Candidate of History, associate professor

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: rodina2001@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4958-2799

Mikhail Yu. Dronov

Candidate of History, research fellow

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: mikhaildronov@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3284-4924

Citation

Borisyonok Yu. A., Dronov M. Yu. Slavic reciprocity of the Skopinsky district: Prisoners of war and migrants of the First World War in the Russian outback // *Slavic Almanac*. 2023. No 1–2. P. 69–79 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.04

Received: 10.01.2023.

Abstract

The specifics of the situation with the prisoners of war and the migrants of the First World War in regions of Russia far from the front has become an important research problem in the recent decades. Based on the materials of local archives, important aspects of the topic are gradually being developed, and first of all, those that relate to the peculiarities of the daily life of numerous people who had never been to those provinces and counties in which they had to settle against their will. Such documents, which have not yet been introduced into scientific circulation, are also stored in the State Archives of the Ryazan Region. Among them, materials relating to the situation of prisoners of war and settlers in Skopinsky district stand out for their completeness and originality. Archival evidence, in particular, makes it possible to correct the interpretation that has developed in historiography of the peculiarities of the marital relations of local residents with prisoners of war. Of great interest is the information about inter-Slavic contacts, which were first forced, and then voluntarily established in Skopin and the county, where until 1914 visitors from other regions of the Russian Empire, and even more so foreign nationals, made up a very small percentage of the population.

Keywords

World War I, prisoners of war, settlers, history of everyday life, Ryazan province, Skopinsky district.